

АЛЕКС БЕЛЛ

ЧТО ДУМАЮТ ГЕНИИ

ГОВОРИМ О ВАЖНОМ
С ТЕМИ, КТО ИЗМЕНИЛ МИР

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 2024

УДК 929
ББК 63.3-8
Б43

Белл, Алекс.

Б43

Что думают гении. Говорим о важном с теми, кто изменил мир / Алекс Белл. — Москва : Эксмо, 2024. — 464 с.

ISBN 978-5-04-224412-4

Люди, которые изменили мир, были в первую очередь людьми. Они ссорились с родными и друзьями, боролись с болезнями, искали спонсоров, сомневались, отстаивали свои идеи, радовались и страдали. На страницах книги вы познакомитесь с ними — гениальными предпринимателями, писателями, учеными, музыкантами и политиками. Вы перенесетесь в прошлое и вместе с автором поговорите об их жизненных принципах, истории создания идей и проектов, простых радостях жизни.

УДК 929
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-04-224412-4

© Алекс Белл, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Оглавление

Глава 1. О равенстве и справедливости (Жан-Жак Руссо) . . .	5
Глава 2. Простое богатство для всех (Адам Смит)	20
Глава 3. Сияние чистого разума (Иммануил Кант)	37
Глава 4. Разрушить и создать Европу (Наполеон Бонапарт)	54
Глава 5. Всемирный дух и законы всего (Георг Гегель). . .	71
Глава 6. Исследование природы человека (Артур Шопенгауэр)	87
Глава 7. Материализм и революция (Карл Маркс)	103
Глава 8. Эволюция и новая этика (Герберт Спенсер) . . .	122
Глава 9. Человек как мера всего (Федор Достоевский) . .	139
Глава 10. Как стать триллионером (Джон Рокфеллер). . .	154
Глава 11. О свободе и человеке будущего (Фридрих Ницше)	173
Глава 12. Источник вселенских идей (Никола Тесла) . . .	191
Глава 13. О бессознательном и желаниях (Зигмунд Фрейд)	211
Глава 14. Непрерывная оптимизация (Генри Форд). . . .	231
Глава 15. Растворение зла (Махатма Ганди)	249
Глава 16. Научная логика и религия (Бертран Рассел) . .	268
Глава 17. Открыть Вселенную заново (Альберт Эйнштейн)	286

Глава 18. Природа — это случайность (Нильс Бор)	305
Глава 19. Сложности языка, логики и загадка Бытия (Людвиг Витгенштейн и Мартин Хайдеггер) . .	325
Глава 20. Государство против человека (Джордж Оруэлл)	346
Глава 21. Жизнь как свободный проект (Жан-Поль Сартр)	362
Глава 22. Что такое наука и существует ли предел знаний (Курт Гёдель и Томас Кун)	379
Глава 23. Бесконечное обновление (Эрнесто Че Гевара)	400
Глава 24. Самовыражение как смысл жизни (Пабло Пикассо и Джон Леннон)	416
Глава 25. Станет ли будущее реальным? (Жан Бодрийяр и Стив Джобс)	437

Глава 1

О РАВЕНСТВЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ (Жан-Жак Руссо)

Место: Женева, Швейцарская республика

Время: 1762 год

Если вам посчастливилось хотя бы несколько дней провести в Швейцарии, вам хорошо знакомо то необыкновенное, почти магическое успокаивающее действие, которое оказывают на человека пейзажи и даже сама атмосфера этой особенной страны. Изумрудные склоны гор; прозрачные бирюзовые озера; невероятно чистый воздух; уютные, словно игрушечные горные долины. И, конечно, сами жители этих мест: неторопливые, улыбчивые, невозмутимые и очень зажиточные.

Перед тем как приступить к своей миссии, я не смог отказать себе в удовольствии теплым ясным летним утром прогуляться вдоль берега Женевского озера, расположенного на юго-западе страны. В те времена виды озера уже не сильно отличались от современных: не хватало, пожалуй, лишь знаменитого высокого фонтана напротив городской набережной; да мосты через озеро в его узкой части, соединявшие две части Женевы, тогда еще были деревянными. На улочках города повсюду слышался французский язык: Женева в силу своего расположения традиционно тяготела к культуре Франции, хотя одновременно и гордилась своей политической независимостью от нее.

В 1700-х годах образ жизни людей в развитых странах Европы приблизился к современному ощущению, чем за всю

предыдущую тысячу лет. Благодаря изобретению парового двигателя (энергия сжигаемого топлива пришла на смену простой мускульной силе) производительность труда на фабриках Англии, а затем и других развитых стран за относительно короткий срок выросла более чем в десять раз. Вакцинация и базовые представления о бытовой гигиене положили конец нашествиям оспы и чумы, в прошлом регулярно опустошавшим города и целые страны. Крупные страны Европы преимущественно оставались монархиями, но их стиль к концу XVIII века заметно изменился. На смену абсолютизму и жестокой тирании пришла мода на «просвещенных монархов». Новые властители стран Европы были хорошо образованы, общались лично с лучшими учеными и писателями своей эпохи, поддерживали деятелей культуры и даже иногда играли в видимость демократии и заботу о простых людях. На словах приветствовали освобождение подданных от гнета и несправедливостей, высказывались за всеобщее образование. Но на деле серьезных, глубинных социальных изменений не было. Скорее наоборот — жизнь многих простолюдинов и бедняков стала даже еще более тяжелой, чем раньше.

Во главе государств находился монарх, воля которого по-прежнему стояла над любыми законами. За ним на социальной лестнице располагался тонкий слой приближенной к престолу потомственной аристократии, имевшей все, о чем человек тогда мог мечтать, лишь по праву своего рождения. Рос и креп с каждым годом новый слой — буржуазии, богатых владельцев предприятий. В совокупности в обществе доля «уважаемых, состоятельных и благородных» людей составляла около одного процента. А вот остальные девяносто девять процентов людей жили не лучше, чем в «мрачное» Средневековье. Не каждый день имели достаточно еды для всей семьи на столе; для многих на смену каторжной, но все-таки сезонной работе в поле (на себя и своего землевладельца) пришла еще более изнурительная работа, но теперь уже круглый год на мануфактурах по четырнадцать-шестнадцать часов в день: без выходных, отпусков, больничных, пенсий

и правил безопасности на производстве. Дожить хотя бы до своего сорокалетия для рабочего в те времена было серьезной удачей. Но знатные слои общества проблемы бедняков нисколько не занимали. И дело здесь было даже не в их личной «черствости» или высокомерии. Большинство дворян искренне не понимало, а как иначе вообще может «работать» человеческое общество, если не в условиях самой жесткой и беспрекословной сословной и имущественной иерархии граждан.

В этот раз я был судебным приставом, работавшим в Женевской республике. Мне было поручено вручить вчерашнее решение суда человеку, родившемуся в Женеве, ее гражданину, но проведшему почти всю жизнь во Франции и вернувшегося на родину лишь несколько лет назад. Ему было около пятидесяти. Большинство жителей города, несмотря на свой незлобный нрав, не любили его и считали весьма странным человеком, который мешал им жить так, как они желали.

Человека звали Жан-Жак Руссо, и он, несмотря на немалую известность, даже не был дворянином. Обычный простолюдin, да еще и со скользкой, многократно запятнанной репутацией. Широко прославили этого человека его сентиментальные, слезливые романы в стиле популярной в то время романтической беллетристики. Эти произведения (во многом автобиографичные) били все рекорды продаж художественных книг Европы той эпохи, их переиздавали большими тиражами по несколько раз в год. Ими зачитывались (зная в мелких деталях их сюжеты и личности героев) почти все грамотные женщины Франции и соседних стран: от герцогинь до прислуги и монашек. Серьезной литературой романы Руссо никогда не считались, критики от них воротили нос. Но что-то было в них — юношеская бравада автора, оставшаяся при нем до старости, искренность слога, душещипательность, а может быть, и что-то еще, — что глубоко трогало читателей.

Сама жизнь Руссо была необычной, бурной и напоминала затаенный авантюрный роман. Руссо родился в многодетной

семье интеллигентного, но бедного музыканта и часовщика. Уже в четырнадцать лет Руссо уходит из дома, чтобы начать самостоятельную жизнь, но нигде не задерживается надолго. Учится разным ремеслам, но всякий раз быстро бросает дело. Увлекается по-настоящему только чтением книг, в остальном — просто плывет по течению. Но у Руссо с юности обнаруживается талант привлекать к себе людей, и именно это всю жизнь будет выручать его из всевозможных передряг. Он хорош собой, строен, энергичен, остроумен, пользуется неизменным успехом у женщин. Неоднократно подолгу Руссо беззастенчиво живет на средства своих любовниц — богатых замужних женщин, графинь и герцогинь значительно старше него. Сам он тем временем тоже женат, на своей бывшей служанке, скромной и некрасивой, родившей ему пятерых детей. Всех своих детей Руссо после рождения «во избежание хлопот» отдает в детские дома и никогда их больше не видит. В непростые времена он уезжает в монастыри: там, искренне, на коленях, в слезах, кается в своих грехах перед настоятелями (завоеывая их симпатию), чтобы несколько месяцев перебиться на церковном содержании. Большинство окружающих считают Руссо обаятельным, но поверхностным болтуном и повесой. Однако, оказавшись в Париже, безродный авантюрист знакомится там с лучшими французскими учеными и мыслителями эпохи, и те неожиданно охотно, с нескрываемым интересом к его личности, принимают его в свой узкий элитарный круг. Эссе и лирические романы Руссо расходятся в столице Франции на ура, а написанная им опера вызывает восторг короля. Правда, больше музыку Руссо не писал (посчитав, что его «великим» сочинением недостаточно восхитились критики и публика), а до наших дней и эта опера, к сожалению, не дошла.

Став знаменитостью, но также нажив своим характером и острым языком множество врагов, Руссо возвращается из Парижа в Женеву. Позже там же появляется его извечный враг и соперник — великий Вольтер. Эти двое, будучи, возможно, самыми яркими деятелями европейской культуры своей эпохи, — страстные, непримиримые антагонисты.

Вольтер, убежденный материалист, зло высмеивает все, что связано с церковью. Руссо, хоть сам и не образцовый христианин, остроумно и с успехом атакует атеизм соперника. Вольтер превозносит точные науки, видя в них в будущее, Руссо же страстно ратует за «возвращение к истокам» и «природную простоту человека». Вольтер (богатый дворянин) на свои средства открывает в Женеве театр. Руссо, используя все свои связи, добивается закрытия этого театра, утверждая, что «надо сначала накормить голодных, а уж потом тратить на пустое, бессмысленное лицедейство». Оказываясь лицом к лицу в обществе, эти два светоча культуры своей эпохи порой едва не доходят до драки. После отъезда соперника из Женевы Руссо вновь погружается в литературу. Но в этот раз из-под его пера неожиданно выходит не очередной сентиментальный роман-бестселлер, а острейший философский и политический памфлет: «Об общественном договоре». Благодаря известности автора он быстро распространяется и доходит до короля Франции. Тот приходит в ужас от прочитанного и требует немедленно арестовать автора — «самого дерзкого смутьяна, какого только видел мир». Женева, самостоятельная республика, писателя не выдает. Но во избежание конфликта постановлением суда Жану-Жаку Руссо предписывается немедленно, в течение двух суток, навсегда покинуть Женеву.

Дом, в котором проживал писатель, находился в необычном месте: на небольшом островке между двумя берегами узкой реки Роны, которая брала начало в соседней Франции, протекала через весь город и в центре Женевы впадала в прекрасное Женевское озеро. Таким образом, дома, стоявшие на островках посреди реки, находились одновременно и почти в центре города, и вдали от городского шума и суеты: до них можно было добраться только на лодке.

Была середина дня; стояла жаркая, но приятная, не душная июльская погода. Мне открыла дверь супруга Руссо, встретившая меня холодно, с опаской. Узнав, что я представитель власти, проводила в гостиную, предложив освежиться домашним лимонадом со льдом. Хозяин дома ежедневно

совершал долгие прогулки и возвращался около четырех пополудни. Хозяйка (маленькая пожилая блеклая женщина с простым крестьянским лицом, но, как мне показалось, с довольно живым умом) показала мне разбитое стекло в спальне. Время от времени недовольные жители Женева (кто-то был обижен из-за закрытия театра, другие прослышали о том, что Руссо — преступный вольнодумец и смутьян) ночью тайком, тихо подплыв на лодке, кидали камни в окна его дома. Хозяйка сказала, что они вызвали стекольных дел мастера на завтра, но я ответил, что в этом, к сожалению, уже нет особой нужды. Узнав о цели моего прихода, она громко всхлипнула, но быстро взяла себя в руки.

Руссо появился, когда солнце уже понемногу начало клониться к вечеру. Войдя, он поклонился мне, явно находясь в хорошем настроении и ни о чем не догадываясь. Одет он был весьма экстравагантно: в яркий зеленый камзол, снизу отороченный перьями (видимо, дорогой и модный), на голове — высокий, похожий на турецкий тюрбан. Зачем он был так одет в обычный день, да еще и в жаркую погоду, было непонятно, но расспрашивать об одежде в такой момент я его не стал. Первое впечатление, несмотря на нелепый стиль одежды, он производил приятное. В его пятьдесят внешне ему трудно было дать даже сорок лет. Безупречное телосложение; живые карие глаза; правильные черты лица в стиле голливудских актеров эпохи черно-белого кино; сильный голос, густые темные волосы без седины; энергичные, размашистые движения. Казалось, что это был хоть и потрепанный жизненными невзгодами, но все еще вполне молодой человек.

Вскоре от веселости Руссо не осталось и следа. Документ, который я вручил ему, он прочитал несколько раз, прежде чем осознал его смысл. Его реакция была неожиданно эмоциональной, если не сказать истерической. Он начал громко, во весь голос кричать, вопрошая о том, за что судьба его в который раз столь жестоко и несправедливо наказывает. Затем стал бешено ходить из угла в угол, сорвал с себя камзол, швырнув его на пол, и, наконец, бросившись на колени